

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА¹

*А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука,
Н.В. Колесник, А.В. Невский, Д.Б. Тев*

Цитирование: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

Аннотация. *Статья посвящена проблеме институционализации политической элиты, которая по-прежнему остается малоизученным сюжетом в российской элитологии. Несмотря на то что институты представительной власти субъектов РФ функционируют длительное время, остается открытым вопрос об устойчивости и воспроизводстве данной властной группы, ее основных социально-структурных характеристик. Постулируется идея о том, что процесс институционализации проблематичен ввиду того, что контекст рекрутирования и функционирования политической элиты, влияющий на ее социальные характеристики, существенно меняется в постсоветский период. Показано, что институционализация политической элиты имеет несколько измерений. Определено, что парадоксальность институтов властвования заключается в комплексном единстве трех аспектов их существования: демократическом,*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31310 «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры».

профессионально-меритократическом и социетально-иерархическом. Обосновывается значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты. Во-первых, полученные результаты могут достаточно определенно говорить о направлении и стадии институционализации властных групп. Во-вторых, характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти. Анализ зарубежных и российских исследований подтверждают значимую связь между определенными характеристиками социально-профессионального происхождения и карьеры, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением — с другой. В многочисленных исследованиях европейских и американских элит отмечается относительная закрытость данной общности и существующая связь между социальным происхождением и возможностями воспроизводства своих высоких социальных позиций. Отдельно рассматриваются значимые факторы и показатели интеграции различных функциональных сегментов элиты: динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Проведенный анализ научной литературы по трансформации российской элиты показывает отчетливую связь ее с предыдущими властными группами. Исследователи убедительно демонстрируют, что в первое десятилетие «новой» России именно прежняя номенклатура разного уровня сохранила командные высоты в политико-административной сфере, были зафиксированы важные изменения как механизмов рекрутирования, так и бассейна рекрутирования элит. В этом отношении работы исследователей первого постсоветского десятилетия выступают своего рода научным свидетельством исторической эволюции отечественных элит. В более поздних работах российских элитологов изучаются характеристики бассейна рекрутирования членов региональной политической элиты, гендерные и образовательные различия, зависимости от положения в иерархии законодательного собрания (рядовые депутаты и руководители), фракционной принадлежности. Специальное внимание в научной литературе было уделено представителям высшей, руководящей страты регионального депутатского корпуса. В заключении обосновываются перспективы институционального подхода в изучении элитных групп.

Ключевые слова: институты, институционализация, российская власть, элиты, политическая элита, рекрутирование, карьера.

На протяжении последних трех десятилетий российское общество находится в процессе трансформации, изменяются общественная система и политический режим. Одной из важнейших составляющих

этого процесса является складывание новых властных структур и институтов, возникновение и эволюция властных групп. Среди таких групп находится постсоветская региональная политическая элита, которая состоит из депутатов законодательных собраний субъектов РФ, а также представителей регионов в Федеральном Собрании. Она существенно отличается по способу рекрутирования и функциям как от депутатского корпуса советского времени, так от других современных властных групп (административной и экономической элит) и потому заслуживает особого внимания исследователей.

Несмотря на то что институт представительной власти субъектов РФ и региональный депутатский корпус функционируют уже достаточно длительное время, остается открытым вопрос об устойчивости и воспроизводстве данной властной группы, ее основных социально-структурных характеристик. С точки зрения институционального подхода существование и функционирование властной группы не означает, что процесс ее институционализации завершен, что она приобрела устойчивые, воспроизводящиеся во времени характеристики. Институционализация проблематична, в частности, потому что контекст рекрутирования и функционирования политической элиты, влияющий на ее социальные характеристики, существенно меняется в постсоветский период.

Институционализация политической элиты имеет несколько измерений. Парадоксальность институтов властвования заключается в комплементарном единстве трех аспектов их существования: демократическом, профессионально-меритократическом и социетально-иерархическом. Демократический (представительский) аспект заключается в необходимости и законодательной закреплённости периодического персонального обновления политической элиты посредством выборов. Профессионально-меритократический аспект состоит в требовании профессионализации законодательной деятельности. Социетально-иерархический — в выделении и обособлении специфической социальной группы, доминирующей в публичной сфере общества и стремящейся к самовоспроизводству и закреплению своих властных позиций. Отмеченные социальные процессы в своей совокупности определяют специфику институционализации политической элиты. Тем не менее институционализация политической элиты как единство трех указанных тенденций в динамике на протяжении постсоветского периода недостаточно изучена в отечественной обще-

ствоведческой литературе. Между тем важность описанных процессов определяется в том числе тем, что их фундаментальные основания связаны с модернизационными социетальными изменениями. Прежде всего это социальная дифференциация, приводящая к профессионализации властных групп [Вебер 1990]. Превращение политической сферы в относительно автономную в результате ее отдифференциации [Луман 2006] ведет к внутреннему разделению элитного сообщества, появлению представительной элиты [Best, Vogel 2018: 355]. Очень существенно, что автономия и профессионализация внутренне связана с прохождением индивидом определенных статусных и функциональных этапов. С точки зрения властных институтов это процесс институционализации индивида, его «приручение». Поэтому Никлас Луман и утверждает, что «в современном обществе важнейшим механизмом интеграции индивидов и общества служит карьера» [Луман 2006: 159]. С точки зрения персоны, входящей в этот институт, это ее самореализация, проявляющаяся в карьерном продвижении. Даниель Гакси, вспоминая римское понятие «путь чести», пишет: «Политическая карьера структурирована как *cursus honorum*, хотя существует несколько типов политических восхождений» [Gaxie 2018: 491]. Имеется в виду последовательность высших государственных должностей, которые занимал римский гражданин [Бартошек 1989: 96–97]. В разных странах, наряду с общими характеристиками, мы имеем отличающуюся динамику институционализации элит, их рекрутирования, карьерного продвижения.

МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В общем плане проблема институционализации элит исследовалась в связи с кардинальными социетальными изменениями, когда политическая (контр)элита конституирует себя как государственная. В самом общем виде здесь важно, что существует принципиальная кардинальная связь между основными социетальными характеристиками и состоянием, формой и типом элит [Keller 1991; Field, Higley 1980]. Влияние состояния элиты и внутриэлитных процессов на ход социальной трансформации безусловно, впрочем, как и обратное влияние [O'Donnell, Schmitter 1986; Burton, Higley 1987, 1998, 2001; Higley, Burton 2006]. Как показали исследования, в процессе общественных изменений для властных групп исключительное значение имеет автономия политической

системы и связанная с ней автономия властных групп [Хантингтон 2004: 38–41]. Последняя базируется на формировании собственного контролируемого в той или иной степени бассейна рекрутирования (внутреннее рекрутирование) и возникновении вертикальной и горизонтальной интеграции элитных групп, что обеспечивает элитную консолидацию, устойчивость и высокую результативность в реализации групповых интересов [Robins 1976: 16–42]. Элитная интеграция является также важным фактором в поддержании институционального доверия и создании схожих политико-идеологических предпочтений [Gulbrandsen 2007, 2012]. Конечно, существуют ситуации, когда сплочение элит может дать трещину. В отношении авторитарных режимов (и особенно России) эту проблему обсуждают О. Рейтер и Д. Жакони [Reuter, Szakonyi 2019]. Как они утверждают, «Режимы могут заставить политиков отказаться от своих собственных политических убеждений и требований избирателей, чтобы придерживаться партийной линии». И это связано с тем, что «получение ренты, трофеев и привилегий является одной из главных целей политиков при автократии» [Reuter, Szakonyi 2019: 552]. Именно поэтому возможно дезертирство.

В зарубежной научной литературе отмечается, что существуют разные национальные модели институционализации политических элит позднего социализма, их рекрутирования и карьерных путей. Одной из первых попыток проанализировать тенденции изменения групп доминирования в социалистических обществах и возможности формирования новых «господствующих классов» была сделана Г. Конрадом и И. Селеньи. На основе их гипотезы о роли интеллигенции при социализме была предложена концепция политократии как формы групп доминирования, ядром которой являются интеллектуалы [Konrad, Szelenyi 1991]. Данное предположение подтвердилось лишь отчасти и то на самом раннем этапе трансформации некоторых постсоциалистических политий в связи с широким участием именно данной социальной группы в протестном движении.

В некотором роде продолжением данной линии стала идея «посткоммунистического менеджериализма». В ней утверждалось, что первоначально в транзитных обществах доминируют финансовые менеджеры и эксперты, работающие на международные финансовые институты, из которых формируется новый класс собственников [Селеньи, Эял, Тоунсли 2008]. Вариантом такой логики описания смены властных групп является представление о борьбе между коммунистической «старой

элитой» и «новой технократией», вследствие которой происходит доминирование в трансформационном процессе более молодых, лучше образованных технократов, формирующих «новую элиту» [Szalai 1995]. Важный аспект описываемого тренда — включение социумов в широкие международные отношения и национальных групп доминирования в глобальные процессы.

Более существенной для исследователей была дилемма воспроизводства и циркуляции элит, сформулированная в самом начале пост-социалистических трансформаций, что связано с проблемой устойчивости и изменчивости властных групп [Szelényi, Szelényi 1995]. Вместе с тем обнаружилось существование различных трендов в разных секторах элиты [Szelényi, Szelényi, Kovách 1995]. Тезис воспроизводства элит основывался на очевидных процессах, фиксируемых многими исследователями. Возможности конверсии власти привели к уходу коммунистической элиты из политико-административной сферы. Политико-административная элита превратилась в новых собственников путем «спонтанной приватизации». Для сохранения контроля над ситуацией были образованы «большие коалиции» [Hankiss 1991]. Часть исследователей указывала скорее на сознательный и целерациональный процесс, в котором номенклатура использовала свои возможности для приватизации собственности и превращения в буржуазию, что вело к возникновению так называемого «политического капитализма» [Staniszkis 1991]. Схожим образом объяснялась и российская «номенклатурная приватизация» [Гайдар 1997: 8, 89–90, 121]. Важный нюанс добавляет Р. Рывкина: возможность и готовность стать капиталистами зависела и от слабости институциональной системы — регулирующих норм и (не)возможности их поддержания государством [Рывкина 1997]. Отсюда, как полагает исследователь, высокая степень криминализации создаваемых институтов и новых капиталистов.

Проблема смены элит в связи с изменением общественного строя и политического режима в различных географических контекстах требовала более дифференцированного и тонкого анализа. Анализ показал, что смена элит может происходить по четырем типам: 1) классическая циркуляция; 2) репродуктивная циркуляция; 3) замещающая циркуляция; 4) квазизамещающая циркуляция [Higley, Lengyel 2000]. Помимо этого, различные результаты в исследовании элит трансформирующихся социумов могут быть связаны с разницей этапов социальных изменений. Социальное время оказывается важным фактором

и политических процессов, и их интерпретаций. На центральноевропейском материале было показано, что трем фазам социальных и политических изменений соответствуют разные типы элит: 1) элита перехода; 2) элита трансформации; 3) элита консолидации [Wasilewski 2001; Штайнер 2003]. Разница здесь не только в направленности деятельности властных групп, но и в механизмах их формирования, карьерных путей и бассейна рекрутирования. При таком подходе появляются довольно осмысленные ориентиры в анализе и обосновании качественного различия элит в трансформационное время. Вместе с тем было показано, что переход к капитализму разнообразен [Varieties of Capitalism... 2007].

Э. Уалдер выделил четыре типа переходных экономик в постсоветском пространстве, определяемых изменением политического режима, политики и регулятивной средой. Существенно, что автор показывает возможности элит в разных условиях [Walder 2003]. И. Селеньи описал три варианта постсоциалистического капитализма: «капитализм извне», характерный для Центральной Европы; «капитализм сверху», реализуемый в Восточной Европе, России, бывших советских республиках Средней Азии; китайский «капитализм снизу» [Szelenyi 2015]. Каждый вариант трансформации связан с определенным типом властвования и организации властных групп и их роли в социетальном переходе. Также трансформация социальной структуры оказывается различной в трех указанных «капитализмах» [Szelenyi 2013].

Помимо политэкономических оснований вариативности процесса трансформации элитного сообщества действуют структурные и социально-политические факторы. Кроме того, надо иметь в виду, что становящиеся новые властные группы должны решить несколько важных задач: создать стратегические позиции (которые они займут) в новой политической системе; осуществить эффективный контроль над существующими общественными движениями и организациями, а также создать свои; создать структуры эффективной деятельности; стабилизировать институциональную структуру и создать под себя систему правил и норм; обрести союзников; легитимировать занимаемые позиции [Дука 2017: 15–17; Duka 2018: 127–129].

Рефлексируя по поводу институционализации элиты (на примере политико-административной элиты Санкт-Петербурга), А.В. Дука обращает внимание на важность рассмотрения общего институционального порядка и внеинституциональных условий существования. Основная функция института — интегрировать и стабилизировать

коллективную деятельность. Соответственно, по его мнению, институционализация заключается в закреплении действий, превращении их в типичные и привычные. «Поэтому рутинность и воспроизводство во времени (то есть определенная историчность) выступают важным индикатором завершенности институционализации. Возможны варианты институционализации, при которых институтами или институциями становятся требования и практики агентов, при этом первоначальная их деятельность сходит на нет. Она “превращается” в новые институты» [Дука 2003: 126].

А.В. Дука акцентирует внимание на становлении и эволюции политико-административной элиты Санкт-Петербурга, особенностях ее рекрутирования, ее социальной базе. Институционализация элиты, по его мнению, возможна при действии по крайней мере трех факторов: культурного, структурного и институционального. Крайне важным видится исследователю сформулировать критерии завершившейся институционализации элиты, а именно устойчивость во власти, возможность ее использовать и воспроизводить себя как элиты [Дука 2003: 129].

Важным аспектом проблемы являются условия кризиса, в которых происходит становление постсоветской элиты, а также ее слабая подготовленность к управлению трансформирующимся обществом. На это указывал в свое время А.В. Понеделков [Понеделков 1995а: 153–154]. Он почти пророчески писал: «Распутье, на котором находится современная политическая элита, похоже обернется вскоре воспроизводством новой формы командно-административной системы не идеологизированного типа с соответствующей ей элитой, где тон задают администраторы» [Понеделков 1995б: 162]. Время, которое он указывал как начало «эпохи возрождения» административно-политической элиты, — конец 1993 г. [Понеделков 1995а: 154]. В это же время о вероятности авторитарной консолидации как механизме выхода из кризиса и предотвращения «трансформационного срыва» писал И.Е. Дискин [Дискин 1995: 39–40]. Другими словами, социально-экономическая и политическая ситуация, а также культурно-историческая «колея», зависимость от пройденного пути оказывают существенное воздействие на формы и результаты институционализации властных групп.

Изменение вектора политической трансформации в России в начале 2000-х годов, естественно, коснулось элитного сообщества. Процесс институционализации групп доминирования затормозился. Это связано

как с изменением контекста, так и со снижением автономии властных групп как в центре, так и в регионах. А.Е. Чирикова это достаточно четко обозначила: «Время путинских перемен серьезно изменило конфигурацию российской власти, переместив региональные элиты на периферию политического федерального процесса» [Чирикова 2010: 184]. Одновременно значительная часть федеральных элит также оказалась на периферии, что закономерно в условиях концентрации власти и построения вертикали.

РЕКРУТИРОВАНИЕ И КАРЬЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Значимость исследования социально-профессионального бассейна рекрутирования и карьеры региональной политической элиты обуславливается несколькими причинами. Во-первых, полученные результаты могут достаточно определенно говорить о направлении и стадии институционализации властных групп. Элиты — это те немногие, которые происходят, как сформулировали К. Прюитт и А. Стоун, из «не очень среднестатистических граждан» (“The Not So Average Citizens”) [Prewitt, Stone 1973: 138]. Р. Патнэм зафиксировал это в законе возрастающей диспропорции: «чем выше уровень политической власти, тем большее представительство высокостатусных социальных групп» [Putnam 1976: 33]. Снижение пропорции многих социальных групп, из которых выходят члены элитного сообщества, дает нам возможность судить о динамике процесса обособления групп доминирования.

Во-вторых, характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм отмечал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в его основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. А как указывал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе» [Matthews 1954: 5]. Так, наблюдение исследователей о Соединенных Штатах полувековой давности позволяет многое сказать об общественной иерархии: «Выс-

шие посты почти всегда занимают мужчины из преуспевающих деловых или профессиональных семей или мужчины, которые сами стали ведущими бизнесменами и профессионалами» [Prewitt, Stone 1973: 137]. А вот исследования нынешнего века свидетельствуют о существенном изменении в составе американской высшей страты [Zweigenhaft, Domhoff 2006, 2014]. И это говорит о фундаментальных общественных сдвигах.

Кроме того, сами элитные позиции могут существенно изменяться. Как пишет С. Келлер, происходит циркуляция элитных позиций [Keller 1991: 235–237], что показывает не только институциональные изменения иерархического и функционального характера, но и внутリエлитные диспозиции и взаимоотношения сегментов элитного сообщества.

В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры регионального депутатского корпуса позволяет, в частности, лучше понять особенности социально-экономической и политической организации данного региона и ее исторической эволюции. Речь, в частности, может идти о характере взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, являющемся одной из важнейших характеристик регионального политического режима [Туровский 2009], специфике партийной системы, особенностях отношений между бизнесом и публичной властью и расстановке экономических и политических сил в деловом сообществе субъекта РФ. Социально-профессиональный состав региональной легислатуры может быть своего рода «зеркалом», в которой отражается структура власти регионального сообщества и его властной элиты.

В-третьих, социально-профессиональное происхождение законодателей и особенности их карьеры могут в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение. Впрочем, многие исследователи ставят под сомнение такую зависимость. Так, обзор зарубежных исследований обнаружил, что существует мало доказательств сильных и последовательных связей между переменными социального происхождения, с одной стороны, и политическими аттитюдами, и поведением законодательных элит — с другой [Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210].

В частности, Л. Эдингер и Л. Сиринг [Edinger, Searing 1967] показали, что социально-профессиональный бэкграунд оказывает весьма умеренное влияние на элитные аттитюды Германии и Франции. Кроме того, ряд исследований, проведенных в США, не выявили значитель-

ного влияния некоторых типов предшествующего избранию в Конгресс или легислатуры штатов профессионального опыта (юридического и военного) на политическое поведение законодателей [Derge 1959: 431; Dyer 1976: 452; Green, Schmidhauser, Berg, Brady 1973; Bianco 2005]. В общем это не удивительно, поскольку отдаленное влияние социально-профессиональных корней законодателей может ослаблять то, что они интенсивно социализируются в рамках самих политических институтов, работая в партиях, местных органах власти, парламенте, взаимодействуя с правительственными чиновниками [Norris, Lovenduski 1995: 210].

По словам К. Витко и С. Фридман, «влияние институциональной социализации может перевесить прошлый опыт, и требования непосредственной политической повестки дня, будь то продиктованные партиями <...> или критическими событиями <...>, могут иметь приоритет над собственными интересами и предпочтениями члена парламента. Кроме того, обязательства представлять интересы избирательного округа часто будут первоочередными в умах законодателей, независимо от предшествующего занятия законодателя» [Witko, Friedman 2008: 72–73].

Однако целый ряд зарубежных и российских исследований все же подтверждают значимую связь между определенными характеристиками социально-профессионального происхождения и карьеры, с одной стороны, и политическими аттитюдами и поведением — с другой. Больше всего таких исследований проводилось в США. Например, показано, что юристы в легислатурах штатов США отличаются от неюристов с точки зрения голосования [Dyer 1976]. К. Витко и С. Фридман установили, что члены Палаты представителей США, пришедшие из бизнеса, голосуют в большей степени в его интересах, причем те, кто, вышел непосредственно из этой сферы, больше поддерживают ориентированное на бизнес законодательство. Хотя влияние происхождения из бизнеса на политическое поведение законодателей небольшое, оно сохраняется при контроле партийности и идеологии [Witko, Friedman 2008]. Н. Карнс показал, что выходцы из рабочего класса в Конгрессе США выражают наиболее либеральные экономические предпочтения, в то же время законодатели, вышедшие из профессий, ориентированных на прибыль (владельцы ферм, бизнесмены и специалисты частного сектора) голосуют наиболее консервативно по экономическим вопросам [Carnes 2012]. Э. Хансен, Н. Карнс и В. Грей [Hansen, Carnes, Gray 2019] выявили, что законодатели штатов США, вышедшие из страховой от-

расли, продвигают более благоприятное для нее законодательство. Что касается других развитых капиталистических стран, то можно упомянуть, например, исследование Ч. Кима [Kim 1974], который пришел к неоднозначным выводам о влиянии социального происхождения и карьеры депутатов парламентов японских префектур на их аттитюды. С одной стороны, различные аспекты рекрутирования депутатов, включая тип их карьеры, показали сильную связь с определенными политическими аттитюдами, такими как образы избирателей, партийная лояльность и восприятие функционирования легислатуры. В то же время такие переменные социального происхождения, как возраст, образование, занятие, классовый статус и место рождения, оказались не в состоянии объяснить существенные различия в аттитюдах законодателей.

Впрочем, исследования влияния характеристик происхождения и карьеры элитных персон, включая депутатов, на их политические ценности, аттитюды и поведение проводились не только в развитых капиталистических демократиях. Например, исследование иранской элиты [Razi 1981] показало, что только три переменные социально-экономического происхождения ее членов — возраст, тип высшего образования и место рождения — были существенно связаны с распределением демократических и авторитарных аттитюдов.

В многочисленных исследованиях европейских и американских элит внимание обращается на относительную закрытость данной общности и существующую связь между социальным происхождением и возможностями воспроизводства своих высоких социальных позиций. Так, по мнению М. Ли, в европейских странах на долю представителей рабочего класса приходится только 7 % мест в административном аппарате, чуть больше в европейских парламентах (22 %). Американский парламент более открыт для социальных низов: в составе палаты представителей от демократической партии доля рабочих составляет 16 %, от республиканской — 25 % [Усова 2015: 39–40].

Исследования образовательного статуса политической и административной элиты Европы и США указывают на существование дифференциации по типу полученного образования. Согласно данным исследований, более 90 % европейских и американских депутатов и представителей административной элиты имеют высшее образование. Больше всего гуманитариев зафиксировано среди английских чиновников, при этом в США их количество незначительно — 6 %, в Германии еще меньше — 3 %. Среди немецких чиновников преобладают юри-

сты — 70 %, значительно их количество в Голландии (40 %), Италии (56 %) и США (20 %). Что касается политической элиты США, то более половины имеют юридическое образование (57 %) (для сравнения: в Великобритании — только 20 %) [Усова 2015: 39–40].

В свою очередь, Н. Карнс и Н. Лупу, используя данные по восемнадцати латиноамериканским легислатурам, выявили, что законодатели из разных классов привносят в законодательный процесс разные экономические аттитюды [Carnes, Lupu 2015]. Выходцы из «беловоротничковых» профессий склонны придерживаться более правых взглядов, а выходцы из рабочего класса — более левых, причем эти различия сохраняются даже при контроле над другими потенциальными детерминантами законодательного процесса. Более того, на примере парламента Аргентины они установили, что классовое происхождение значимо влияет на такой аспект законодательного поведения депутатов, как внесение (авторство) законопроектов.

Применительно к России П. Чэйсти установил, что происхождение из бизнеса, связь депутатов Государственной Думы с определенными экономическими секторами служат сильным предиктором некоторых аспектов их законодательного поведения [Chaisty 2013: 729–732]. Также Д. Жакони на примере российских мэров и региональных депутатов, пришедших из бизнеса, показывает, что опыт работы в частном секторе приводит к тому, что политики расставляют приоритеты, которые выгодны деловому сообществу [Szakonyi 2019]. В частности, бизнесмены-политики повышают расходы на экономическую инфраструктуру (дороги и транспорт), не затрагивая при этом траты на социальную инфраструктуру (здравоохранение и образование), также они не снижают бюджетный дефицит, но скорее принимают менее конкурентные методы выбора подрядчиков, особенно в строительстве. Наконец, как показано в ряде работ, такая характеристика профессионального происхождения и карьеры членов российской региональной элиты (включая и депутатов), как номенклатурный опыт (работа в партийных, советских и комсомольских органах) является одним из факторов, существенно дифференцирующих их политические ценности и аттитюды [Региональные элиты... 2001].

Словом, как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим

это направление исследования» [Kerbo, Fave 1979: 6]. Это обстоятельство актуализирует изучение социально-профессиональных источников рекрутирования и особенностей карьеры элитных персон, включая депутатов законодательных собраний субъектов РФ. Причем по отношению к этой элитной группе актуальность исследования указанных характеристик особенно велика, поскольку их влияние на законодательное поведение может усиливаться тем фактом, что большинство региональных депутатов работают на непостоянной основе, не покидая той профессиональной позиции (например, в бизнесе или в социальной сфере), которую занимали на момент избрания в легислатуру.

В-четвертых, особенности источников рекрутирования и карьеры региональной политической элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще, гомогенность (однородность) социально-профессионального профиля парламентариев может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа [Edinger 2010: 132]. Как отмечали Ч. Ким и С. Паттерсон, социальная гомогенность, возможно, не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты [Kim, Patterson 1988: 380].

В этом смысле примечательна и точка зрения Э. Гидденса, который указывал, что закрытая система рекрутирования, которая создает относительную однородность характеристик социального происхождения, предоставляя доступ в элиту главным образом представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Впрочем, он же подчеркивает и относительность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (так называемая «солидарная элита», характерная, например, для социалистических стран).

Отдельно следует отметить, что значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В этом смысле, например, приток в региональные законодательные собрания выходцев из администрации или экономической элиты данного региона (как и переходы законодателей на работу в органы исполнительной власти и руководство крупных бизнес-структур) могут способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном плане, властной элиты региона.

Наконец, в-пятых, характер бассейна рекрутирования политической элиты, включая региональный депутатский корпус, может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam 1976: 44]. Д. Мэттьюз отмечал, что «кажется правдоподобным предположить, что результаты законодательного рекрутирования влияют на успех законодательного органа: британская Палата общин, состоящая исключительно из выпускников Оксбриджа, или американский Сенат, составленный исключительно из белых мужчин-миллионеров, кажется, не способствовали бы счастливой уступчивости масс в наши дни» [Matthews 1984: 556].

В свою очередь, можно предполагать, что широкая представленность выходцев из рабочего класса в областных и Верховных советах РСФСР и СССР, сформированных по номенклатурно-квотному принципу, облегчала выполнение им легитимирующей функции в рамках существовавшего тогда политического режима. В связи с этим вопрос о том, в какой степени социально-профессиональный состав региональных законодательных собраний соответствует социально-структурным характеристикам населения соответствующих регионов, имеет существенное значение.

РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ

Исследование рекрутирования региональных российских элит отечественными учеными началось в середине 1990-х годов. Тогда же появляются и первые диссертации на эту тему (см., например: [Львова 1997]).

Эмпирический анализ трансформации российской элиты показывает ее отчетливую связь с предыдущими властными группами. Исследователи убедительно демонстрируют, что в первое десятилетие «новой» России именно прежняя номенклатура разного уровня сохранила командные высоты в политико-административной сфере [Krysh-tanovskaya, White 1996; Wasilewski 1998; Gaman-Goluvina 2008].

Существенно, что были зафиксированы важные изменения как механизмов рекрутирования, так и бассейна рекрутирования элит. В этом отношении работы исследователей первого постсоветского десятилетия выступают своего рода научным свидетельством исторической эволюции отечественных элит.

Для ученых в середине 1990-х многие новые тенденции еще не были видны столь отчетливо, как в более поздний период. Было еще очень много элементов прошлого. Так, в 1995 г. Д.В. Бадовский и А.Ю. Шутов отмечали сохранение «номенклатурного принципа элитообразования» [Бадовский, Шутов 1995: 4]. А следующий год (1996 г.) Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова отметили как начало нового этапа формирования российских региональных элит [Лапина, Чирикова 2000: 67].

Исследователи выявили появившуюся в 1997–1998 гг. новую тенденцию — повышение представительства в региональных легислатурах хозяйственников и бизнес-элиты [Лапина, Чирикова 1999: 34]. Они связывали это, во-первых, с возрастанием экономической и политической самостоятельностью регионов, и как следствие — возможность и желание региональных экономических боссов участвовать в воздействии на принятие решений в отношении распределения ресурсов. А во-вторых, с изменением отношения населения к предпринимательской деятельности [Лапина, Чирикова 1999: 34]. Основываясь на своих выводах, авторы делали оптимистический прогноз: «Можно с большой долей вероятности утверждать, что в перспективе авторитет законодательных собраний, а следовательно и удовлетворенность депутатского корпуса своим политическим влиянием возрастут» [Лапина, Чирикова 1999: 35]. Однако в этом же году Н. Петров и А. Титков отмечали, что

установилась элитно-олигархическая власть и существенно сузился бассейн рекрутирования [Петров, Титков 1999: 108]. И уже через год Н. Лапина и А. Чирикова отмечают тенденцию возрастания управляемости избирательным процессом в регионах [Лапина, Чирикова 2000: 72–73]. Однако они писали и об активизации директоров крупных предприятий [Лапина, Чирикова 2000: 73–74].

В дальнейшем усилилось влияние бизнес-слоев [Крыштановская 2005], а в последнее десятилетие отмечался большой приток во властные структуры выходцев из силовых структур [Крыштановская 2002; Kryshstanovskaya, White 2003, 2005; Petrov 2005; Абелинскайте 2007]. Но тезис о милитократии был подвергнут критическому анализу разными авторами, показавшими его уязвимость [Гаман-Голутвина 2006: 350–352, 382–383; Renz 2006; Rivera, Rivera, 2006, 2014; Ривера, Ривера 2009; Дука 2012].

Исследование мобильности элиты предполагает описание зон входа и выхода элиты — «буферных зон», которые обозначаются в литературе как «предэлитные горизонты управления» [Сельцер 2006], «предэлитные» позиции или «второй эшелон элиты» [Ершова 1994], «около-элитные зоны»: «предэлитная зона» для инкорпорации в элиту, «эксэлитная» — для экскорпорации [Крыштановская 2005]. Изучение буферных зон элиты раскрывает ее социальный и институциональный генезис, так как в контроле над буферными зонами проявляется институционализирующая функция элиты по построению и поддержанию института воспроизведения самой элиты и осуществлению власти в обществе (построение и поддержание институционального порядка).

В отечественной науке предпринимались попытки выделить этапы рекрутирования российской региональной элиты. Как мы уже писали, такого рода опыты в значительной степени отражают время, когда авторы предлагали свои классификации, и существующие тенденции. Д.В. Покатов выделяет четыре этапа процесса рекрутирования: «квазисвободная конвергенция» (1991–1993), мутационный этап (1994–2000), «управляемая рекрутация элиты» (2001–2011) и смешанный, гибридный (начался в 2012 г.) [Покатов 2017: 89–106]. В последующем автор скорректировал свою позицию: количество этапов сократилось до трех: первый («формально-свободной циркуляции») совпадает с ельцинским периодом — с 1991 по 2000 г.; второй, «регулируемой ротации» — с 2001 по 2011 г.; третий, обозначенный как «корпоративно-персонократической стабилизации», начался в 2011 г. и продолжается

до сего времени [Покатов 2019]. Каждая периодизация показывает содержание политического процесса, нюансируя определенные события как вехи.

Вопрос о бассейне рекрутирования российской элиты

Особое внимание в научной литературе прошлых лет было уделено исследованию характеристик бассейна рекрутирования и карьер политической (парламентской) элиты различного уровня. Так, в работе О.В. Гаман-Голутвиной подробно проанализированы социально-демографические и социально-профессиональные характеристики депутатов Государственной Думы РФ и их динамика на протяжении шести созывов (1993–2012). Проведено сравнение выявленных тенденций с данными исследований зарубежных парламентских элит. Автор приходит к выводу, что ведущей тенденцией эволюции парламентского корпуса является профессионализация [Гаман-Голутвина 2012].

В статье А.В. Шентяковой рассматриваются качественный состав и каналы рекрутирования политической элиты РФ (депутатов Госдумы). Проанализированы изменения ее характеристик в период с 1996 по 2006 г. В частности, выявлены тенденции омоложения депутатского корпуса, роста доли лиц с экономическим, юридическим и управленческим образованием (при стабильном преобладании персон с первым техническим образованием), снижения удельного веса бывшей номенклатуры. Автор также отмечает сужение зоны рекрутирования депутатов ГД и увеличение доли парламентариев, занимавших непосредственно перед избранием высокие административные должности [Шентякова 2011].

Д.Б. Тев рассматривает социально-профессиональный состав Государственной Думы VI созыва. Исследование показало, что политическая элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов ГД номенклатурный опыт распространен в большей степени, чем среди административной и экономической элиты страны. Важная тенденция постсоветской карьеры депутатов — политическая профессионализация. Заметна тенденция бюрократизации депутатского корпуса, значительная часть которого в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между федеральными административной и политической элитами, особенно на уровне руководства ГД. Бизнес — важнейший источник рекрутирования политической элиты за пределами политико-административных структур. Хотя

выходцев из крупного в общенациональном масштабе бизнеса немного, наблюдаются переплетения экономической и политической элит страны. Наконец, некоторые профессиональные категории, широко представленные в legislatures ряда западных стран (юристы и преподаватели), довольно слабо присутствуют в Госдуме РФ [Тев 2017].

Неформальным практикам представительной власти посвятила свое исследование А.Б. Даугавет. В частности, петербургский социолог сопоставляет практики на различных этапах развития института представительной власти применительно к России. По мнению автора, представительный институт соединяет в себе систему формальных демократических норм и систему или набор неформальных правил и практик, вступающий в конкурентное взаимодействие с данным формальным институтом. «Взаимодействие формального и неформального, то есть использование формальных норм в процессе осуществления неформальных практик, приводит к подавлению формального института в виде противоречащих его смыслу последствий: вместо контроля работы исполнительной власти со стороны представительного органа он сам подчиняется интересам администрации» [Даугавет 2012: 369].

Исследователи трансформации властных групп России в постсоветский период активно изучали карьеры представителей российских элит. При этом в исследовательское поле зрения, как правило, попали представители всех сегментов. Так, специфика карьер российских руководителей предприятий и организаций в 1990-х годах наиболее подробно рассмотрена в работах Е.Г. Молл [Молл 1996]. Отдельные исследования посвящены карьерам представителей политико-административной элиты. Так, А.В. Понеделков в работе «Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России» описывает несколько карьерных моделей и метафорически обозначает «типичных представителей» для каждой из них: «служаки-спринтеры», «служаки-стайеры», «выскочки-директора», «выскочки-ученые», «выскочки-предприниматели» и «выскочки-разночинцы». В этих метафорах зафиксированы не только основные черты типов карьер, но и бассейны рекрутирования элитных персон [Понеделков 1995а].

Иную типологию представляют Н.С. Слепцов, И.В. Куколев, Т.М. Рыскова. По их мнению, исследовательским потенциалом обладают следующие типы карьер региональных руководителей: «прагматик», «хозяйственник», «директор», «партийный функционер», «администра-

тор», «преподаватель», «прораб», «комсомолец». Все эти карьеры по своему наполнению относятся к социальному типу. По мнению авторов классификации, наиболее широко в корпусе региональных руководителей конца 1990-х годов были представлены три типа социальных карьер — «партийный функционер», «администратор», «хозяйственник». Свыше 60 % региональных руководителей имели карьеры именно этих трех типов, что говорит о вполне определенных характеристиках элитного корпуса [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997]. Р.Л. Кричевский добавляет к этой «линейке» еще две модели карьер — «бизнесмен» и «генерал» [Кричевский 2006].

А.А. Паутов и Т.П. Вернигорова выделяют три идеально-типические модели элитной карьеры. Первый тип — устойчивая карьера. Представители элиты с карьерами данного типа прошли и профессиональный, и структурный карьерный путь. По времени социализации это довоенное поколение. Многие имеют в своих биографиях работу на партийных должностях. Они считают себя нонконформистами, прирожденными лидерами. Эти люди сделали себя сами. «Элита порядка» — так называют их авторы классификации. Второй тип карьерной модели — устойчивая, в основном профессиональная, карьера. Индивиды, достигшие элитных позиций в рамках этой модели, имели преимущественно аппаратный рост и карьерным продвижением обязаны команде единомышленников. Авторы считают рассматриваемый тип карьер переходным, а персон, чей жизненный путь развивался подобным образом, тяготеющими к «элите порядка». Наконец, третья модель характеризуется тем, что первые ее этапы имеют вид преимущественно профессиональной карьеры, последующие этапы — преимущественно структурной карьеры. Индивиды, карьера которых развивалась по данному типу, карьерным продвижением обязаны команде единомышленников. Это более молодые люди, либералы по убеждениям, которых исследователи называют «элитой изменений» [Паутов, Вернигорова 2000].

Исследование петербургского социолога А.С. Быстровой, которая изучала карьеры и профессиональную социализацию региональной элиты шести российских регионов (базы данных 2005 и 2009 гг.) показало, что преобладающим типом карьеры в среде экономической элиты является «профессиональная карьера», предполагающая последовательное прохождение служебной лестницы в рамках преимущественно одного вида деятельности, а для политической (а также адми-

нистративной) элиты большее значение имеют социальные карьеры, характеризующиеся неоднократной сменой сферы деятельности [Быстрова 2012].

Наличие в карьере профессиональной деятельности в силовых структурах означает накопление знаний и навыков, не позволяющих их носителям адекватно реагировать на вызовы быстро изменяющейся реальности. Автором определено, что региональные элиты, имеющие в своем составе значительное число лиц, карьеры которых отягощены номенклатурным и «силовым» опытом, склонны утверждать авторитарный стиль правления, плохо сочетающийся с реализацией интенций по реформированию общества.

А.С. Быстрова на основе проведенного исследования отмечает, что в региональной элите довольно высок удельный вес уроженцев населенных пунктов периферии страны, за исключением Санкт-Петербурга. Анализ продолжительности занятия нынешней позиции показывает, что более половины (54 %) представителей региональной элиты шести регионов в 2009 г. занимали свои должности менее двух лет. Это означает, что более половины региональной элиты обновилось в последние два года. Резюмируя, А.С. Быстрова, определяет: 1) чаще всего обновление элиты связано либо с приходом нового губернатора и его команды, либо с какими-то внешними для элиты факторами, понуждающими ее к обновлению; 2) негативной является тенденция постарения элиты и уменьшения доли лиц, занявших свои должности в молодом возрасте [Быстрова 2012].

Особенности бассейна и каналов рекрутирования, а также карьер политической элиты регионального уровня также были довольно подробно освещены в ряде публикаций. В частности, они стали предметом исследования, проведенного сотрудниками сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН [Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев 2008]. Исследование охватило депутатский корпус четырех субъектов РФ (Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей). Была изучена возрастная, гендерная, образовательная, социально-профессиональная структура региональной политической элиты, выявлены тенденции профессионализации, плутократизации, социальной закрытости депутатского корпуса.

Особенности состава региональных законодательных собраний в 1990–2000-е годы рассматриваются также О.В. Крыштановской, кото-

рая отмечает, что в период правления Б. Ельцина они формировались «из двух основных групп: руководителей региональной исполнительной власти различного уровня и директоров промышленных и сельскохозяйственных предприятий», причем во второй половине 1990-х годов в парламентах целого ряда регионов бизнесмены составили большинство депутатов [Крыштановская 2005: 143].

На усиление плутократизации региональных легислатур в период правления В.В. Путина указывает и А.Е. Чирикова [Чирикова 2005: 196–197]. В этом смысле примечательны и результаты исследования Ю.С. Медведева, который показывает, как профессиональный статус кандидата и обусловленные им ресурсы влияют на его успех на выборах в региональные законодательные собрания по одномандатным округам (а значит, и на вероятность вхождения в политическую элиту). Автор приходит к выводу, что, кроме инкубентов, а также представителей крупного бизнеса, весьма успешны на выборах и ректоры высших учебных заведений [Медведев 2010].

Образовательный статус политической и административной элиты шести российских регионов проанализирован в работе петербургского социолога Н.В. Колесник [Колесник 2019]. Анализ основан на исследовании 635 структурированных биографий политической и административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Калининградской, Костромской, Хабаровской областей, проведенном в 2011–2016 гг. Автор показывает, что в региональной элите происходит постепенный отход от «технократического» образовательного профиля в сторону экономических и юридических специальностей, зачастую представители региональной элиты являются обладателями нескольких дипломов о высшем образовании и/или ученой степени. Исследование также показывает региональные различия по количеству силовиков: выявлено, что чем выше статус во властной вертикали, тем чаще встречаются лица с военным образованием. Важно отметить, что в работе ставится под сомнение идея о существовании пула элитных (элитарных) вузов в современной России ввиду того, что процесс его формирования носит незавершенный характер. По мнению, Н.В. Колесник, не стоит преувеличивать значимость полученного высшего образования представителями федеральной/региональной элиты в современной России, поскольку оно в большей степени влияет на однородность социально-структурных характеристик изучаемой элиты и не до конца проясняет вопрос о качестве получаемого высшего образования [Колесник 2019].

А.А. Марковкин в исследовании механизма рекрутирования политической элиты Волгоградской области отмечает номенклатурный тип рекрутирования политической элиты региона и выделяет такие институциональные каналы рекрутирования, как партийный и деловой: элита пополняется представителями партии власти («Единой России») и лояльных ей партий, социальной базой рекрутирования является директорский корпус и региональный бизнес, решающее значение имеет административный ресурс губернатора [Марковкин 2008].

М.М. Сакаева исследовала масштабы прихода представителей бизнеса в законодательные собрания регионов Северо-Западного федерального округа. Было выявлено, что в парламентах (действующих на начало 2009 г.) шести из одиннадцати регионов предприниматели занимают половину и более депутатских мест. В ходе исследования был сделан вывод о том, что региональный депутатский мандат следует рассматривать как «окно возможностей», позволяющих предпринимателю оптимизировать положение на рынке. На примере Законодательного собрания Санкт-Петербурга были изучены возможности и ресурсы, которые доступны собственникам с депутатским мандатом [Сакаева 2012].

Характеристики бассейна рекрутирования членов региональной политической элиты могут варьироваться в зависимости от их положения в иерархии законодательного собрания (рядовые депутаты и руководители) и фракционной принадлежности. В научной литературе специальное внимание уделено представителям высшей, руководящей страты регионального депутатского корпуса. Темой статьи Л.В. Богатыревой стало рекрутирование председателей (спикеров) законодательных собраний в 1990–2000-е годы. В частности, автор отмечает, что зависимость законодательной власти от исполнительной определила структуру каналов рекрутирования глав региональных парламентов, которая на протяжении рассматриваемого периода практически не изменилась. Основными «поставщиками» спикеров являются областные и муниципальные администрации, руководство бюджетных учреждений, директорский корпус [Богатырева 2012]. Статья Д.Б. Тева посвящена сравнительному анализу бассейна рекрутирования региональных парламентариев, принадлежащих к различным фракциям — КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР. Автор показывает, что, несмотря на ряд общих тенденций (например, профессионализация), партийные группы депутатов обладают спецификой социально-демографических и соци-

ально-профессиональных характеристик (в частности, существенно варьируется возраст депутатов, степень номенклатуризации, плутократизации, милитаризации и социальной закрытости депутатского корпуса), связанной с особенностями истории, электоральной базы, идейно-политического профиля и организационной структуры партий [Тев 2012].

Важной проблемой при изучении карьерных траекторий политической элиты являются гендерные различия. По мнению А. В. Андреевской, исследовавшей парламенты Украины и России с точки зрения гендерных различий, женщины недостаточно представлены в национальных выборных и исполнительных органах власти в этих государствах: они составляют менее 10 % депутатов в национальных парламентах [Андреевская 2000]. Автор исследования сформулировала несколько гипотез относительно причин низкого представительства женщин в политике: 1) недостаток у женщин политического, экономического и культурного капиталов (ресурсов), аккумулированных в до-реформенное время, явился причиной сложности их вхождения в политику в настоящее время; 2) слабость и раздробленность женских организаций, неадекватность их идеологических лозунгов, неспособность представлять интересы своего электората негативно сказывается на политической карьере женщин; 3) недостаток поддержки женщин со стороны истеблишмента (больших предприятий, финансовых кругов, политической элиты и т. д.), как и связи политической элиты этих стран с криминальными структурами и системой лоббирования, в которой кандидаты-мужчины ориентируются лучше женщин, не позволяет им составить серьезную конкуренцию в поле политики [Андреевская 2000].

Согласно точке зрения Е. В. Кудряшевой и Н.Н. Кукаренко, которые исследовали представительство женщин в региональной политике Архангельской области, «только на уровнях региональной и муниципальной политики женщины представлены чуть лучше» [Кудряшева, Кукаренко 2003]. На государственном уровне, считают исследователи, российские женщины по-прежнему устраниваются от процесса принятия важных политических решений и, как следствие, не имеют возможности решать свою судьбу и судьбу своих детей. Чем выше уровень власти, тем меньше там женщин [Кудряшева, Кукаренко 2003].

Проведенный Н.В. Колесник анализ региональной элиты в современной России показывает, что в политической, административной

и частично экономической сферах сохраняются старые гендерные стереотипы, когда представители женской элиты слабо представлены на ключевых позициях. В общем массиве региональных элит Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Калининградской областей женщины занимают лишь каждую четвертую позицию. Согласно полученным данным, больше всего женщин представлено в административной сфере Калининградского региона, менее всего — среди административной элиты Санкт-Петербурга [Колесник 2003].

Что касается политического сегмента региональной элиты в каждом отдельном регионе, то присутствие женщин в нем минимизировано и составляет не более 9 %, что объясняется не только существующим ресурсным неравенством, но и ситуационными факторами. Сложившееся определенное гендерное неравенство в уровне образования, доходах, опыте работы приводит к тому, что женщины меньше представлены в тех слоях, из которых происходит рекрутирование в политику, поэтому их шансы на политическое участие значительно меньше. Согласно полученным данным, женщины часто приходят в региональную политику из сфер образования и здравоохранения, финансового, реже банковского секторов [Колесник 2003].

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА (вместо заключения)

Таким, образом, анализ зарубежной и российских научной литературы показывает значимость проблемы институционализации власти и элитных групп. Теоретическими ориентирами оказываются те работы, в которых анализируются процессы хабиитуализации, рутинизации, приобретения устойчивости социальными практиками, учреждениями, структурами. В этом смысле методологическим принципом, обладающим исследовательским потенциалом, оказывается принцип исторического институционализма. В связи с этим возможно определение института как некоей совокупности индивидов, действующих в соответствии с общими (для них) правилами для достижения коллективных целей. Эта совокупность индивидов, взаимодействующих в соответствии с правилами, реагирует на информацию извне и приходит к коллективному ответу (даже если коллективный ответ является просто суммой индивидуальных действий, как это происходит на рынке, на выборах, при поименном голосовании в легислатурах).

Основная функция института — интегрировать и стабилизировать коллективную деятельность. Соответственно институционализация заключается в закреплении действий, превращение их в типичные и привычные. Поэтому рутинность и воспроизводство во времени (т.е. определенная историчность) выступают важными индикаторами завершенности институционализации. Возможны варианты институционализации, при которых институтами или институциями становятся требования и практики агентов, при этом первоначальная их деятельность сходит на нет, они «превращается» в новые институты.

Элита в этой связи понимается как функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, которые занимают значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах. Эти позиции позволяют им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции и в связи с этим дают возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов. По сути, эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) функции в обществе. Таким образом, в институциональной перспективе она может быть рассмотрена как специфический институт.

Важным и необходимым элементом институционализации ввиду ее интерпретационной функции является культура. Любой институт может существовать как интегрирующая и стабилизирующая деятельность, подкрепляющая соответствующие требования, артикулированные в формальных и неформальных нормах, а легитимность института необходима не только для «объектов» интеграции, но не в меньшей степени для ее субъектов.

Борьба за ресурсы выступает как необходимый элемент процесса институционализации. Ввиду ограниченности ресурсов необходимы специальные действия, ведущие, с одной стороны, к изоляции основной массы населения от доступа к ресурсам, с другой, — к приватизации этих ресурсов. Возникающее социальное расслоение на основе разницы в доступе к ресурсам создает необходимые демаркации. Для новой элиты необходимо создать социальные группы поддержки. В данном случае речь идет о слое богатых, ибо о среднем классе в российском обществе говорить преждевременно.

Литература

- Абелинскайте В.Э.* Россия: от олигархии к милитократии? // Без темы. 2007. № 3 (5). С. 50–54.
- Андрееenkova А.В.* Представительство женщин в парламентах России и Украины: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 117–127.
- Бадковский Д.В., Шутов А.Ю.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6. С. 3–23.
- Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
- Богатырева Л.В.* Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189.
- Быстрова А.С.* Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93.
- Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б.* Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Парламентский корпус современной России // Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. С. 113–142.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Даугавет А.Б.* Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369.
- Дискин И.* Реформы и элиты: институциональный аспект // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С.29–41.
- Дука А.В.* Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Политика. 2003. № 2. С. 126–149.
- Дука А.В.* К вопросу о милитократии: Силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: мат-лы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях рос-

сийской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14–54.

Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития: междунар. симпозиум, 17–19 декабря 1993 г. М.: Интерпракс, 1994. С. 151–155.

Колесник Н.В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза: Политекс. 2009. № 5 (2). С. 72–87.

Колесник Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 30–48.

Кричевский Р.Л. Психология профессиональной карьеры // Психология профессиональной деятельности / под общ. ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС, 2006. С. 82–85.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.

Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180.

Кудряшова Е.В., Кукаренко Н.Н. Политическое участие женщин в Архангельской области // Гендерная реконструкция политических систем: сб. статей / под ред. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/arkhangelsk.htm> (дата обращения: 23.12.2018).

Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН РАН, 1999. 192 с.

Лапина Н., Чирикова А. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000. 200 с.

Луман Н. Дифференциация: пер. с нем. М.: Логос, 2006. 320 с.

Львова М.С. Выборы как фактор рекрутирования и формирования региональной политической элиты России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 22 с.

Марковкин А.А. Механизмы рекрутирования политической элиты в регионе: на примере Волгоградской области: дис. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2008. 161 с.

Медведев Ю.С. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 2 (57). С. 75–90.

Молл Е.Г. Управленческая карьера в России // Проблемы теории и практики управления. 1996. № 6. С. 117–120.

Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Изд-во РАГС, 2000. 126 с.

Петров Н., Титков А. Политическая жизнь в регионах // Регионы России в 1998 г.: ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. М.: Гендальф, 1999. С. 104–112.

Покатов Д.В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М.: Маска, 2017. 164 с.

Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 71–97.

Понедельков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995а. 208 с.

Понедельков А.В. Элита. (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995б. 340 с.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // ПОЛИС: Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157.

Рывкина Р. Какой капитализм возникает в России? // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 5. С. 73–86.

Сакаева М.М. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // Экономическая социология. 2012. Т. 13, № 3. С. 96–122.

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой Санкт-Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110.

Селеньи И., Эял Г., Тоунсли Э. Построение капитализма без капиталистов: образование классов и борьба элит в посткоммунистической Центральной Европе / Пер. с англ. под рук. И. Беляевой, отв. ред. О. Куценко. Киев: Институт социологии НАНУ; Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В.Н. Каразина, 2008. 320 с.

Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.

Тев Д.Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // Власть и элиты / отв. ред. А.В. Дука. Т. 4. СПб.: Интгерсоцис, 2017. С. 67–128.

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПрФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17). С. 98–111.

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95.

Усова Ю.В. Политические элиты регионов современной России: факторы трансформации и векторы позиционирования. Владикавказ: ИПЦСОИГСИВНЦРАНИРСО-А, 2015. 268 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Чирикова А.Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации: сб. науч. статей / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 194–222.

Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.

Шентякова А.В. Политическая и административная элита: качественный состав и каналы рекрутирования // Российские властные институты и элиты в трансформации: мат-лы VIII всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 145–156.

Штайнер Х. Различия и сходство в социальных реалиях. Социологический анализ России в сравнении с Польшей и Венгрией // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. № 4. С. 191–206.

Best H., Vogel L. Representative Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 339–362.

Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress // Legislative Studies Quarterly. 2005. Vol. 30, № 1. P. 85–102.

Burton M.G., Higley J. Elite Settlements // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 3. P. 295–307.

Burton M.G., Higley J. Political Crises and Elite Settlements // Elites, Crises, and the Origins of Regimes / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; N.Y.; L.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 47–70.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, № 2. P. 181–199.

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // Legislative Studies Quarterly. 2012. Vol. 37, № 1. P. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59, № 1. P. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma // Europe-Asia Studies. 2013. Vol. 65, № 4. P. 717–736.

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature // Journal of Politics. 1959. Vol. 21, № 3. P. 408–433.

Duka A. Transformation of Post-Soviet Political-Administrative Elites // Rising Powers, Institutions and Elites. Brazil, China, Russia, Turkey / Ed. by Nicolas Monceau and Daniel Bourmaud. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2018. P. 127–155.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance // Journal of Politics. 1976. Vol. 38, № 2. P. 452–456.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis // Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives / ed. by H. Best, J. Higley. Leiden: Brill, 2010. P. 129–151.

Field G.L., Higley J. Elitism. L.; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Gaman-Goluvina O. Changes in Elite Patterns // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, № 6. P. 1033–1050.

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 489–506.

Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / ed. by P. Stanworth, A. Giddens. L.: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions // Western Political Quarterly. 1973. Vol. 26, № 3. P. 440–452.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study // Historical Social Research — Historische Sozialforschung. 2012. Vol. 37, № 1. Special Issue: Elite Foundations. P. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6, № 1–2. P. 190–214.

Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power // Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm / ed. by P.R. Weilemann, G. Brunner, R.L. Tököcs. Oxford: Berg, 1991. P. 27–39.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government // State Politics & Policy Quarterly. 2019. Vol. 19, № 2. P. 155–179.

Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism // Elites After State Socialism. Theories and Analysis / ed. by J.Higley, G.Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 1–21.

Higley J., Burton M. Elite foundations of liberal democracy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. L.: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 53–68.

Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. With a New Introduction by the Author. New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 p.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research // Sociological Quarterly. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5–22.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen // *Comparative Politics*. 1974. Vol. 7, № 1. P. 109–126.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // *Comparative Politics*. 1988. Vol. 20, № 4. P. 379–399.

Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies // *Social Theory in Changing Society* / ed. by P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder: Westview, 1991. P. 337–361.

Kryshstanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note // *Europe-Asia Studies*. 2005. Vol. 57, № 7. P. 1065–1075.

Kryshstanovskaya O.; White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, № 4. P. 289–306.

Kryshstanovskaya, O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48, № 5. P. 711–733.

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1984. Vol. 9, № 4. P. 547–585.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // *Public Opinion Quarterly*. 1954. Vol. 18, № 1. P. 5–22.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xiii, 320 p.

O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore; L.: Johns Hopkins Univ. Press, 1986. xii, 81 p.

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2005. № 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html> (дата обаршения: 03.05.2019).

Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. N.Y.; L.: Harper & Row, Publishers, 1973. xii, 244 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 14, № 1. P. 53–74.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. P. 903–924.

Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia // *American Political Science Review*. 2019. Vol. 113, № 2. P. 552–568.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. P. 27–50.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22, № 2. P. 125–145.

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; L.: Sage, 1976. vi, 221 p.

Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office (July 15, 2019). URL: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (дата обращения: 20.10.2019).

Staniszki J. Political Capitalism in Poland // *East European Politics and Societies*. 1991. Vol. 5, № 1. P. 127–141.

Szalai E. The Metamorphosis of the Elites // *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94* / ed. by B.K. Király, A. Bozóki. Boulder: Social Science Monographs, 1995. P. 159–174.

Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 615–638.

Szelenyi S., Szelenyi I., Kovách I. The making of the Hungarian postcommunist elite: Circulation in politics, reproduction in the economy // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, № 5. P. 697–722.

Szelényi I. Capitalism after Communism // *New Left Review*. 2015. № 96. P. 1–13.

Szelényi I. Varieties of Social Structure During and After Socialism: Russia, East Europe, and China // *Chinese Sociological Review*. 2013–2014. Vol. 46, № 2. P. 3–31.

Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries / ed. by D. Lane, M. Myant. Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. xiv, 278 p.

Walder A.G. Elite Opportunity in Transitional Economies // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68, № 6. P. 899–916.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization // *Transformative Paths in Central and Eastern Europe* / ed. by R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001. P. 133–142.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; N.Y.; L.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998. P. 147–167.

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior // *Congress & the Presidency*. 2008. Vol. 35, № 1. P. 71–86.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. Diversity in the Power Elite: How It Happened, Why It Matters. Lanham; Boulder: Rowman & Littlefield Publ., Inc., 2006. x, 267 p.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. The new CEOs: women, African American, Latino and Asian American leaders of Fortune 500 companies. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publ., 2014. xxvi, 237 p.

INSTITUTIONALIZATION OF THE POLITICAL ELITE: SOURCES OF RECRUITMENT AND CAREER¹

*A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka,
N. Kolesnik, A. Nevskiy, D. Tev*

Citation: Bystrova A., Daugavet A., Duka A., Kolesnik N., Nevskiy A., Tev D. *Institutsionalizatsiya politicheskoy elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'yera* [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2019, 6 (2): 24–66. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

Abstract. *The article is devoted to the problem of institutionalization of the political elite that still remains a poorly studied subject in Russian elite studies. Despite the fact that the institute of representative power of the constituent entities of the Russian Federation has been functioning for a long time the question of the stability and reproduction of this power group and its main socio-structural characteristics remains. The idea that the process of institutionalization is problematic provided that the context of the recruitment and functioning of the political elite, affecting its social characteristics, changes significantly in the post-soviet period is postulated. It is shown that the institutionalization of the political elite has several dimensions. The paradox of the institutions of power lies in the complementary unity of the three aspects of their existence: democratic, professional meritocratic and societal hierarchical. The article substantiates the significance of the study of the socio-professional pool of recruitment and career of the regional political elite: firstly, the results obtained can quite definitely indicate the direction and stage of institutionalization of power groups. Secondly, the characteristics of the recruitment and political careers can serve as an important indicator of the structure of social and political power. An analysis of foreign and Russian studies confirms a significant relationship between certain characteristics of socio-professional background and career, on the one hand, and political attitudes and behavior, on the other. Numerous studies of European and American elites note the relative closeness of this community and the existing relationship between social origin and the ability to reproduce their high social positions. Significant factors and indicators of integration of various functional segments of the elite are considered separately: dynamic interweaving between them, which is created by*

¹ The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute of Social Research, project no. 19-011-31310 “Institutionalization of the regional political elite: recruitment and professional careers”.

career transitions of persons from one power group to another. The analysis of scientific literature on the transformation of the Russian elite shows a clear connection with previous power groups. Researchers convincingly demonstrate that in the first decade of “new” Russia, it was the previous nomenclature of various levels that retained commanding heights in the political and administrative sphere, important changes were recorded in both the recruitment mechanisms and the elite recruitment pool. In this regard, the work of researchers of the first post-soviet decade is a kind of scientific evidence of the historical evolution of domestic elites. In later works by Russian researchers of elites, the characteristics of the recruitment pool for members of the regional political elite, gender and educational differences, depending on the position in the hierarchy of the legislative assembly (ordinary deputies and leaders), and factional affiliation are studied. Special attention in the scientific literature was given to representatives of the highest, leading stratum of the regional deputy corps. In conclusion, the prospects for an institutional approach in the study of elite groups are substantiated.

Keywords: institutions, institutionalization, Russian power, elites, political elites, recruitment, pool of recruitment, political careers.

References

- Abelinskayte V.E. *Rossiya: ot oligarkhii k militokratii?* [Russia: from oligarchy to militocracy?]. *Bez temy* [No subject], 2007, 3, pp. 50–54. (In Russian)
- Andreenkova A.V. *Predstavitel'stvo zhenshchin v parlamente Rossii i Ukrainy: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Representation of women in the parliaments of Russia and Ukraine: the experience of sociological analysis]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research], 2000, 11, pp. 117–127. (In Russian)
- Badovskiy D.V., Shutov A.YU. *Regional'nyye elity v postsovetskoj Rossii: osobennosti politicheskogo uchastiya* [Regional Elites in Post-Soviet Russia: Features of Political Participation]. *Kentavr* [Centaur], 1995, 6, pp. 3–23. (In Russian)
- Bartošek M. *Rimskoye pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman law: Concepts, terms, definitions]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 448 p. (In Russian)
- Best H., Vogel L. Representative Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 339–362.
- Bianco W.T. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress. *Legislative Studies Quarterly*, 2005, 30 (1), pp. 85–102.
- Bogatyreva L.V. *Mekhanizmy rekrutirovaniya glav zakonodatel'nykh sobraniy (na primere regionov TSFO)* [Recruitment mechanisms for heads of regional legislative assemblies (on the example of the regions of the Central Federal District)]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2012, 1, pp. 175–189. (In Russian)
- Burton M.G., Higley J. Elite Settlements. *American Sociological Review*, 1987, 52 (3), pp. 295–307.

Burton M.G., Higley J. Political Crises and Elite Settlements. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998, pp. 47–70.

Burton M.G., Higley J. The Study of Political Elite Transformations. *International Review of Sociology*, 2001, 11 (2), pp. 181–199.

Bystrova A.S. Tipy kar'yer predstaviteley regional'noy administrativno-politicheskoy elity i faktory, vliyayushchiye na kar'yernyye razlichiya [Types of careers of representatives of the regional administrative and political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya. Materials of the Tenth All-Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"* [Power structures and domination groups]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 76–93. (In Russian)

Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Rossiyskiye regional'nyye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve* [Globalization in Russian society]. Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99–242. (In Russian)

Carnes N. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, 2012, 37 (1), pp. 5–34.

Carnes N., Lupu N. Rethinking the Comparative Perspective on Class and Representation: Evidence from Latin America. *American Journal of Political Science*, 2015, 59 (1), pp. 1–18.

Chaisty P. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65 (4), pp. 717–736.

Chirikova A.E. *Regional'nyye elity Rossii* [Regional elites of Russia]. Moscow: Aspekt Press, 2010. 271 p. (In Russian)

Chirikova A.E. Regional'nyye parlamenty: resursnyy potentsial i neformal'nyye pravila politicheskoy igry [Regional'nyye parlamenty: resursnyy potentsial i neformal'nyye pravila politicheskoy igry]. In: *Vlast' i elity v rossiyskoy transformatsii* [Power and elites in the Russian transformation]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2005, pp. 194–222. (In Russian)

Daugavet A.B. Predstavitel'naya vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nogo instituta (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminarra «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Power Structures and Dominance Groups: Materials of the Tenth All-Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 344–369. (In Russian)

Derge D.R. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature, *Journal of Politics*, 1959, 21 (3), pp. 408–433.

Diskin I. Reformy i elity: institutsional'nyy aspekt [Reforms and Elites: Institutional Aspect]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], 1995, 6, pp. 29–41. (In Russian)

Duka A.V. Institutitsionalizatsiya politicheskoy i administrativnoy elity v Sankt-Peterburge [Institutionalization of the political and administrative elite in St. Petersburg]. *Politeia* [Politeia], 2003, 2, pp. 126–149. (In Russian)

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh [On the issue of militocracy: Siloviki in regional power elites]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Power Structures and Dominance Groups: Materials of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 94–120. (In Russian)

Duka A.V. Transformatsiya postsovetских politiko-administrativnykh elit [Transformation of post-Soviet political and administrative elites]. *Aktual'nyye problemy Yevropy* [Urgent problems of Europe], 2017, 2, pp. 14–54.

Duka A. Transformation of Post-Soviet Political-Administrative Elites. In: *Rising Powers, Institutions and Elites. Brazil, China, Russia, Turkey*. Ed. by Nicolas Monceau and Daniel Bourmaud. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2018, pp. 127–155.

Dyer J.A. Do Lawyers Vote Differently? A Study of Voting on No-Fault Insurance. *Journal of Politics*, 1976, 38 (2), pp. 452–456.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Ed. by H. Best, J. Higley. Leiden: Brill, 2010, pp. 129–151.

Ershova N.S. Transformatsiya pravyyashchey elity Rossii v usloviyakh sotsial'nogo pereloma [Transformation of the ruling elite of Russia in the conditions of a social turning point]. In: *Kuda idet Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. Mezhdunarodnyy simpozium 17–19 dekabrya 1993 g.* [Where is Russia going?.. Alternatives to social development. International Symposium December 17–19, 1993]. Moscow: Interprax, 1994, pp. 151–155. (In Russian)

Field G. Lowell, Higley John. *Elitism*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980. xi, 135 p.

Gaidar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. Moscow: Eurasia, 1995. 206 p. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Parlamentskiy korpus sovremennoy Rossii // Politicheskii klass v sovremennom obshchestve [The parliamentary corps of modern Russia]. In: *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [Political class in modern society]. Ed. by Gaman-Golutvina O.V. Moscow: ROSSPEN, 2012, pp. 113–142. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russian)

Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns. *Europe-Asia Studies*. 2008, 60, 6, pp. 1033–1050.

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Heinrich Best, John Higley. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 489–506.

Giddens A. Elites in the British class structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by Stanworth P., Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Green J.J., Schmidhauser J.R., Berg L.L., Brady D. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions. *Western Political Quarterly*, 1973, 26 (3), pp. 440–452.

Gulbrandsen T. Elite Integration — An Empirical Study. *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37, 1. Special Issue: Elite Foundations, pp. 148–166.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway. *Comparative Sociology*, 2007, 6 (1–2), pp. 190–214.

Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power. In: *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm*. Ed. by P.R. Weilemann, G. Brunner, R.L. Tökés. Oxford: Berg, 1991, pp. 27–39.

Hansen E.R., Carnes N., Gray V. What Happens When Insurers Make Insurance Laws? State Legislative Agendas and the Occupational Makeup of Government. *State Politics & Policy Quarterly*, 2019, 19 (2), pp. 155–179.

Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism. In: *Elites After State Socialism. Theories and Analysis*. Ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000, pp. 1–21.

Higley J., Burton M. *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. Palgrave. London: Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huntington S. *Politicheskiy poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Tradition, 2004. 480 p. (In Russian)

Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. With a New Introduction by the Author. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 1991. xxv, 354 p.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22.

Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen. *Comparative Politics*, 1974, 7 (1), pp. 109–126.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399.

Kolesnik N.V. Gendernyye raspredeleniya v regional'noy elite (Severo-Zapad i Yug Rossii) [Gender Distributions in the Regional Elite (North-West and South of Russia)]. *Political Expertise: Polytex*, 2009, 5, pp. 72–87. (In Russian)

Kolesnik N.V. Obrazovatel'nyye trayektorii rossiyskoy elity: regional'naya proyektziya [Educational trajectories of the Russian elite: regional projection]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2019, 28, 4, pp. 30–48. (In Russian)

Konrad G., Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies. In: *Social Theory in Changing Society*. Ed. by Bourdieu P., Coleman J.S. Boulder: Westview, 1991, pp. 337–361.

Krichevskiy R.L. Psikhologiya professional'noy kar'yery [Psychology of a professional career]. In: *Psikhologiya professional'noy deyatel'nosti* [Psychology of professional activity]. Ed. by Derkacha A.A. Moscow: RAGS Pul., 2006, pp. 82–85. (In Russian)

Kryshtanovskaya O. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. (In Russian)

Kryshtanovskaya O., White S. Inside the Putin Court: A Research Note. *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (7), pp. 1065–1075.

Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19 (4), pp. 289–306.

Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. *Europe-Asia Studies*, 1996, 48 (5), pp. 711–733.

Kryshtanovskaya O.V. Putinskiy rezhim: liberal'naya militokratiya? [Putin's regime: liberal militocracy?]. *Pro et Contra*, 2002, 7 (4), pp. 158–180. (In Russian)

Kudryashova E.V., Kukarenko N.N. Politicheskoye uchastiye zhenshchin v Arkhangel'skoy oblasti [The political participation of women in the Arkhangel'sk region]. In: *Gender reconstruction of political systems: Collection of articles*. Inst. Gender. Politicians. Ed. by N.M. Stepanova, E.V. Kochkina. St. Petersburg: Aleteya, 2004. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/arkhangel'sk.htm> (accessed: 23.11.2018). (In Russian)

Lapina N., Chirikova A. *Regional'nyye elity v RF: modeli povedeniya i politicheskoye oriyentatsii* [Regional Elites in the Russian Federation: Models of Behavior and Political Orientations]. Moscow: INION RAN, 1999. 192 p.

Lapina N., Chirikova A. *Strategii regional'nykh elit: modeli vlasti, politicheskii vybor* [Regional elite strategies: power models, political choice]. Moscow: INION RAN, 2000. 200 p.

Luhmann N. *Differenciatsiya* [Differentiation]. Transl. by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2006. 320 p. (In Russian).

L'vova M.S. *Vybory kak faktor rekrutirovaniya i formirovaniya regional'noy politicheskoy elity Rossii: avtoreferat disertatsii kandidata politicheskikh nauk* [Elections

as a factor in recruiting and forming the regional political elite of Russia: abstract of thesis of candidate of political sciences]. Moscow, 1997. 22 p.

Mall E.G. Menedzhment kar'yery v Rossii [Management career in Russia]. *Problems of theory and practice of management*, 1996, 6, pp. 117–120. (In Russian)

Markovkin A.A. *Rekrutirovyye mekhanizmy politicheskoy elity regiona: na primere Volgogradskoy oblasti: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Recruitment mechanisms of the political elite in the region: the example of the Volgograd region: a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences]. Volgograd, 2008. 161 p. (In Russian)

Medvedev Yu. S. Professional'nyy status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborah [Professional status as a success factor in regional elections]. *Politeia* [Politeia], 2010, 2 (57), pp. 75–90. (In Russian)

Matthews D.R. Legislative Recruitment and Legislative Careers, *Legislative Studies Quarterly*, 1984, 9 (4), pp. 547–585.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure, *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22.

Norris P., Lovenduski J. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. xiii, 320 p.

O'Donnell G., Schmitter P. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1986. xii, 81 p.

Pautov A.A., Vernigorova T.P. *Elita i elitogenez* [Elite and elitogenesis]. Moscow: Publishing House of the RAGS, 2000. 126 p. (In Russian)

Petrov N. Siloviki in Russian Regions: New Dogs, Old Tricks. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, 2005, 2. URL: <http://www.pipss.org/index331.html> (accessed: 18.10.2019).

Petrov N., Titkov A. Politicheskaya zhizn' v regionah [Regional politics]. In: *Regiony Rossii v 1998 g.: Yezhegodnoye prilozheniye k «Politicheskomu al'manakhu Rossii»* [Russian Regions in 1998: Annual supplement to the "Russia's Political Almanac"]. Ed. by N. Petrov. Moscow: Gendalf, 1999, pp. 104–112.

Pokatov D.V. *Politicheskaya regional'naya elita: sotsiologicheskii rakurs transformatsionnoy dinamiki* [Political regional elite: sociological perspective of transformational dynamics]. Moscow: Maska, 2017. 164 p.

Pokatov D.V. Rekrutirovaniye sovremennoy rossiyskoy politicheskoy elity kak rotatsiya politicheskoy i administrativno-korporativnoy elitnykh grupp [Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2019, 6 (1), pp. 71–97.

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya elita: genezis i problemy yeye formirovaniya v Rossii* [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTs VSh, 1995a. 208 p. (In Russian)

Ponedelkov A.V. *Elita. (Politiko-administrativnaya elita: problemy metodologii, sotsiologii, kul'tury)* [Elite. (Political and administrative elite: problems of methodology, sociology, culture)]. Rostov-on-Don: Publishing House SKNTs VSh, 1995b. 340 p.

Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites: Elite Theory, Power, and American Democracy*. New York; London: Harper & Row, Publishers, 1973. xii, 244 p.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1976. x, 246 p.

Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite, *Comparative Politics*, 1981, 14 (1), pp. 53–74.

Regional'nyye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskiye i ekonomicheskiye orientatsii [Regional Elites of the North-West of Russia: Political and Economic Orientations]. Ed. by A. Duka. St. Petersburg, Aletheia, 2001. 352 p.

Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of Siloviki in contemporary Russian politics. *Europe-Asia Studies*, 2006, 58 (6), pp. 903–924.

Reuter O.J., Szakonyi D. Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia. *American Political Science Review*, 2019, 113 (2), pp. 552–568.

Rivera D.W., Rivera S.W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization. *Post-Soviet Affairs*, 2014, 30, 1, pp. 27–50.

Rivera Sh., Rivera D. K boleye tochnym otsenkam transformatsii v rossiyskoy elite [To more accurate assessments of transformation in the Russian elite]. *POLIS: Political studies*, 2009, 5, pp. 149–157. (In Russian)

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, 2006, 22 (2), pp. 125–145.

Robins R.S. *Political Institutionalization and the Integration of Elites*. Beverly Hills, Calif.; London: Sage, 1976. vi, 221 p. (In Russian)

Ryvkina R. Kakoy kapitalizm voznikayet v Rossii? [What capitalism arises in Russia?], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World economy and international relations], 1997, 5, pp. 73–86.

Safronov V.V. Konsolidatsiya avtoritarizma ili demokratizatsiya: podderzhka putinskogo rezhima elitoy S.-Peterburga [The consolidation of authoritarianism or democratization: support for the Putin regime by the elite of St. Petersburg]. In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Conditions and possibilities for the consolidation of Russian society]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseyeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010, pp. 30–110. (In Russian)

Sakaeva M.M. Parlament kak «okno vozmozhnostey»: issledovaniye povedeniya predprinimateley s deputatskim mandatom v realizatsii rynochnykh interesov [Parliament as a “window of opportunity”: a study of the behavior of entrepreneurs with a deputy mandate in the implementation of market interests]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2012, 13 (3), pp. 96–122. (In Russian)

Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behavior in Office (July 15, 2019). URL: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (accessed: 20.10.2019).

Selenyi I., Eyal G., Townsley E. *Postroyeniye kapitalizma bez kapitalistov: formirovaniye klassov i bor'ba elit v postkommunisticheskoy Tsentral'noy Yevrope* [The construction of capitalism without capitalists: Formation of classes and the struggle

of elites in post-communist Central Europe]. Translation from English. I. Belyaeva, ed. by O. Kutsenko. Kiev: Institute of Sociology NASU, Kharkov: Kharkov National University by V.N. Karazina, 2008. 320 p. (In Russian)

Seltzer D.G. *Vzlety i padeniya nomenklatury* [The ups and downs of the nomenclature]. Tambov: Toggpoligrafizdat, 2006. 592 p. (In Russian)

Shentyakova A.V. Politicheskaya i administrativnaya elita: kachestvennyy sostav i kanaly rekrutinga [Political and administrative elite: Qualitative Composition and Recruitment Channels]. In: *Rossiyskiye vlastnyye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiyskogo seminar «Sotsiologicheskiye problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii»* [Russian Power Institutions and Elites in Transformation: Materials of the Eighth Russian Seminar "Sociological Problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation"]. Ed. by A. Duka, St. Petersburg: Intersotsis, 2011, pp. 145–156. (In Russian)

Sleptsov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nykh liderov [The new legitimacy of regional leaders]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian)

Staniszki J. Political Capitalism in Poland. *East European Politics and Societies*, 1991, 5 (1), pp. 127–141.

Steiner H. Razlichiya i skhodstvo v sotsial'nykh realiyakh. Sotsiologicheskiy analiz Rossii v sravnenii s Pol'shey i Vengriyey [Differences and similarities in social realities. Sociological analysis of Russia in comparison with Poland and Hungary], *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2003, 4, pp. 191–206. (In Russian)

Szalai E. The Metamorphosis of the Elites. In: *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94*. Ed. by B. K. Király, A. Bozóki. Boulder: Social Science Monographs, 1995, pp. 159–174.

Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-communist Transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 615–638.

Szelenyi Szonja, Szelenyi Ivan, Kovách Imre. The making of the Hungarian postcommunist elite: Circulation in politics, reproduction in the economy. *Theory and Society*, 1995, 24 (5), pp. 697–722.

Szelényi I. Capitalism after Communism. *New Left Review*, 2015, 1996, pp. 1–13.

Szelényi I. Varieties of Social Structure During and After Socialism: Russia, East Europe, and China. *Chinese Sociological Review*, 2013–2014, 46 (2), pp. 3–31.

Tev D.B. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy Federatsii shestogo sozyva: sotsial'no-professional'naya kharakteristika pula nabora deputatov [The State Duma of the Russian Federation of the sixth convocation: socio-professional characteristics of the pool of recruitment of deputies]. In: *Vlast i elity* [Power and elites]. Ed. by A. Duka, vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 67–128. (In Russian)

Tev D.B. Partii «vtorogo eshelona» v regional'nykh parlamentakh: osobennosti pula verbovki deputatov ot KPRF, Spravedlivoy Rossii i LDPR [Parties of the "second

echelon” in regional parliaments: features of the pool of recruitment of deputies of the Communist Party, Fair Russia and the Liberal Democratic Party]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm State University. Political science], 2012, 1, pp. 98–111. (In Russian)

Turovskiy R.F. Regional’nyye politicheskiye rezhimy: k metodologii analiza [Regional political regimes: towards the analysis methodology], *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2009, 2, pp. 77–95. (In Russian)

Usova Y.V. *Politicheskiye elity regionov sovremennoy Rossii: faktory transformatsii i vektory pozitsionirovaniya* [Political Elites of the Regions of Modern Russia: Transformation Factors and Positioning Vectors]. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A, 2015. 268 p. (In Russian)

Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Ed. by D. Lane and M. Myant. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2007. xiv, 278 p.

Walder A.G. Elite Opportunity in Transitional Economies. *American Sociological Review*, 2003, 68 (6), pp. 899–916.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization. In: *Transformative Paths in Central and Eastern Europe*. Ed. by Markowski R., Wnuk-Lipinski E.. Warsaw: Friedrich Ebert Stiftung, 2001, pp. 133–142.

Wasilewski J. Hungary, Poland, and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites. In: *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Ed. by Mattei Dogan and John Higley. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publishers, 1998, pp. 147–167.

Weber M. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as Vocation]. In: *Weber M. Selected works*. Moscow: Progress, 1990, pp. 61–272. (In Russian)

Witko C., Friedman S. Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, 2008, 35 (1), pp. 71–86.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. *Diversity in the Power Elite: How It Happened, Why It Matters*. Lanham; Boulder: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. x, 267 p.

Zweigenhaft R.L., Domhoff G.W. *The new CEOs: women, African American, Latino and Asian American leaders of Fortune 500 companies*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2014. xxvi, 237 p.